

Формирование курса истории России в средних учебных заведениях второй четверти XIX в.

Дарья Сазонова

Formation of the Russian history course in secondary school of the second quarter of the 19th century

Dariya Sazonova

(State Museum-Reserve «Ostafyevo» — «Russian Parnassus»)

DOI: 10.31857/S2949124X25010068, EDN: AIUDSJ

Во второй четверти XIX в. преподавание истории России и всеобщей истории окончательно разделилось, что было связано с появлением нового, качественного и непереводаемого учебника, основанного на триаде министра народного просвещения С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность». В той или иной мере об этом говорилось в работах, посвящённых развитию системы народного просвещения в империи¹, а также отдельным учебным заведениям², правительственной политике и идеологии³. В последнее время исследователи всё чаще рассматривают и особенности отражения отечественной историографии в учебной литературе⁴. Однако становление истории России как самостоятельной учебной дисциплины в уездных училищах и гимназиях ещё не являлось предметом специального исследования.

© 2025 г. Д.Ю. Сазонова

¹ Шмид Г.К. История средних учебных заведений в России. СПб., [б.д.]; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902; Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912; Студеникин М.Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв. М., 2011.

² Соловьёв Д.Н. Пятидесятилетие С[анкт]-Петербургской первой гимназии, 1830–1880. СПб., 1880; Виноградов П.А. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии. (1839–1889 г.). М., 1889; Гобза И.О. Столетие Московской I-й гимназии. 1804–1904 гг. М., 1903.

³ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903; Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 5–41; Виттеккер Ц.Х. Граф Сергей Семёнович Уваров и его время. СПб., 1999; Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; Удалов С.В. «Православие, самодержавие, народность»: идеология николаевского царствования // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 148–159; Тесля А.А. «Истинно русские люди»: история русского национализма. М., 2019.

⁴ Володина Т.А. «Дилетанты» и «профессионалы»: к вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVII – первой трети XIX века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 122–130; Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–129; Володина Т.А. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2004. С. 104–136; Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад. М., 2010; Маловичко С.И., Марухин В.Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории Российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. № 4–2. С. 282–299; Пашкова Т.И. Как преподавали историю петербургским гимназистам в первой половине XIX в. // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 261–278.

В Европе во второй половине XVIII в. преподавание истории было тесно связано с секуляризацией культуры и образования, распространением и стандартизацией педагогической практики⁵. Под влиянием романтизма повышенное внимание к национальному прошлому сменило прежнюю идеализацию древних греков и римлян. Теперь мыслители стремились отыскать за всеми проявлениями культуры и истории некий вечный и уникальный «народный дух»⁶. После потрясений эпохи революционных и наполеоновских войн историческое наследие и связанное с ним национальное самосознание воспринимались как основа для объединения народа в том или ином государстве. Ключевые события прошлого формировали совместно пережитый опыт и оказывались «одним из критериев принадлежности к нации»⁷. С середины XVIII в. наряду с изучением Священной истории и Античности в учебных заведениях Англии, Франции и Польши начинают преподавать отечественную историю.

В России о необходимости выстраивания системы образования на основе изучения русской истории, языка, веры и законодательства размышлял ещё адмирал А.С. Шишков, в 1824–1828 гг. занимавший пост министра народного просвещения. Однако в силу преклонного возраста сделать он успел немного.

Между тем, согласно «Уставу учебных заведений, подведомственных университетам» 1804 г., историю, «включая в сию последнюю науку мифологию (баснословие) и древности», изучали в первых четырёх классах гимназий. В их программу, «кроме полных курсов латинского, немецкого и французского языков», входили также «начальные основания» географии, статистики, философии, изящных искусств, политической экономии и «наук, относящихся до торговли», «математики чистой и прикладной», «опытной физики и естественной истории», технологии и рисования (§ 5).

При этом предполагалось, что «учитель истории, географии и статистики обучает по 18 часов в неделю»: «В первом классе, обучая по 6 часов в неделю, проходит древнюю историю и географию, мифологию и древности. Во втором классе по 6 часов историю и географию новые и, в частности, историю и географию отечественные. В третьем по 4 часа обучает общей статистике; а в четвёртом классе по 2 часа статистике Российского государства» (§ 22)⁸. В двухлетних уездных училищах, дававших расширенное начальное образование и готовивших к усвоению гимназического курса, один учитель обучал Закону Божию и Священной истории, «должностям человека и гражданина», грамматике, чистописанию и «правилам слога», латинскому и немецкому языку, а другой — географии, истории, арифметике, геометрии, физике, естественной истории и технологии (§ 86). На «всеобщую историю вместе с географией древнего света» отводилось во втором классе 3, на российскую — 2 часа (и ещё один на географию империи) (§ 97)⁹. Неудивительно, что преподавание этих предметов отличалось поверхностностью и энциклопедичностью¹⁰.

⁵ Володина Т.А. Учебники отечественной истории... С. 108.

⁶ Леонтьева О.Б. Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // Образы времени... С. 868.

⁷ Тесля А.А. «Истинно русские люди»... С. 64.

⁸ ПСЗ-І. Т. 28. № 21501. С. 626–627. См. также: Алешинцев И.А. Указ. соч. С. 27; Пашкова Т.И. Как преподавали историю... С. 262–263.

⁹ ПСЗ-І. Т. 28. № 21501. С. 636–637. См. также: Алешинцев И.А. Указ. соч. С. 28.

¹⁰ Калинин Е.А. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 196.

Учащие и учащиеся остро ощущали нехватку учебной литературы. Попытки изложить отечественную историю для юношества не раз предпринимались, начиная со второй половины XVIII в., когда появились «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова, учебники А.Л. Шлёцера, И.М. Стриттера, И.Ф. Яковкина и М.Н. Муравьёва. Накануне и особенно после войны 1812 г. усилившийся интерес к прошлому поддерживали сочинения С.Н. Глинки, П.М. Строева, Г. Эверса. С 1818 г. выходили тома «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, имевшие удивительный успех у публики. По выражению А.С. Пушкина, «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»¹¹. Этот труд в 1820–1840-е гг. обычно читали в отрочестве, однако его всё же нельзя было считать учебником. В гимназиях же и в 1820-е гг. приходилось использовать пособия, подготовленные ещё в екатерининское царствование. Большинство из них были переводными, и сведения о русской истории, как правило, представляли собой дополнение, написанное переводчиком¹². К примеру, «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской Империи» Яковкина опиралась на перевод «Истории Российского государства» Стриттера. Член Главного правления училищ И.С. Лаваль, рецензируя учебную литературу, требовал такого порядка, при котором авторы «удостоверялись бы прежде, что они пишут для русских, а не для немцев» или другой «нации, коей нравы, обычаи, вера и конституция ничего не имеют сходного с тем, что у нас существует»¹³. Шишков, возглавив министерство в 1824 г., сразу же обратил внимание на состояние учебной литературы. Вскоре по поручению Комитета рассмотрения учебных пособий И.К. Кайданов, опираясь на концепции Карамзина, составил «Начертание истории государства Российского»¹⁴, служившее какое-то время основным учебником.

Выстраивать новую систему отечественного просвещения с учётом сложившейся в начале 1830-х гг. политической и культурной ситуации предстояло С.С. Уварову. До того, как стать министром, он приобрёл важный опыт, управляя в 1811–1821 гг. Санкт-Петербургским учебным округом. Будучи его попечителем, Уваров в 1813 г. в особой записке изложил свои соображения «О преподавании истории относительно к народному воспитанию». В ней утверждалось, что «народный дух», который в Европе «изглаживается» под влиянием наук, художеств и торговли, в России ещё не утрачен¹⁵. Поэтому распространять «луч наук и просвещения» следовало так, чтобы «возбуждать и сохранять» у учащихся «народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши». Заботясь об этом, учитель «делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений», поскольку «в народном воспитании преподавание истории есть

¹¹ Пушкин А.С. Карамзин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. 2. Т. 8. М., 1958. С. 67.

¹² Пашкова Т.И. Как преподавали историю... С. 267; Маловичко С.В., Марухин В.Ф. Учебная книга по русской истории... С. 284–287.

¹³ Цит. по: Володина Т.А. «Дилетанты» и «профессионалы»... С. 126.

¹⁴ Кайданов И.К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829. До этого им были подготовлены «Руководство к познанию всеобщей политической истории» (Ч. 1–3. СПб., 1821), «Краткое начертание всемирной истории» (СПб., 1822) и «Краткое начертание всеобщей истории» (СПб., 1827).

¹⁵ Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Уваров С.С. Избранные труды / Сост. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 211.

дело государственное»¹⁶. Неудивительно, что в истории Уваров видел первый по важности предмет¹⁷. В 1811 г., реформируя Санкт-Петербургскую гимназию, он увеличил срок обучения с четырёх до семи классов и разделил историю на всеобщую, российскую и новейшую¹⁸. В 1819 г. изменения, предложенные им, были распространены по «Циркулярному предложению о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах» на другие округа. В итоге на историю, географию и статистику (всеобщие и русские) вместе отводилось в первых двух классах по 6 уроков, в третьем классе — 4, в четвёртом — 2, а всего 18 из 124 часов учебного плана¹⁹. До 1828 г. гимназическая программа была так перегружена количеством предметов и недостаточно дифференцированным распределением материала, что пройти её курс за такой короткий срок «было невысказано». П.А. Виноградов, говоря словами поэта, констатировал, что «учили всему “понемногу”, учили “чему-нибудь и как-нибудь”»²⁰. И если занятия по всеобщей истории методически были более разработаны, то преподавание истории России зачастую велось несистематично, отрывочно и сводилось в основном к обзору событий XVII–XVIII вв.²¹

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского», утверждённый 8 декабря 1828 г., готовился при участии Уварова ещё Шишковым и его преемником кн. К.А. Ливеном²². Этот документ определял развитие образования с конца 1820-х до конца 1840-х гг.²³ Теперь в уездных училищах курс становился трёхгодичным, но мог быть продлён до 4–5 лет, дабы воспитанники, изучая современные и древние языки, готовились к поступлению в гимназию. «История государства Российского и всеобщая» преподавались в них «сокращённо»: на всеобщую отводилось по 3 часа в каждом из трёх классов, отечественной учили в «дополнительном» четвёртом²⁴. В 1832 г. в пользу арифметики было сокращено количество часов по истории, она осталась только во втором и третьем классе.

Обучение в гимназии занимало 6–7 лет. Устав 1828 г. предусматривал классическое образование, в основе которого лежало изучение древних языков, античной истории и литературы. В программе гимназий истории отводилось 8% учебного времени²⁵ (19,5 астрономических часов²⁶), и она оказы-

¹⁶ Там же. С. 204, 212.

¹⁷ Уваров С.С. Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 года // Уваров С.С. Избранные труды. С. 261.

¹⁸ Алешинцев И.А. Указ. соч. С. 58.

¹⁹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 385–389.

²⁰ Виноградов П.А. Указ. соч. С. 3.

²¹ Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 100; Гобза И.О. Указ. соч. С. 49–57; Соловьёв С.М. Мои записки для детей моих, а если возможно, и для других // Соловьёв С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 245; Рождественский С.В. Указ. соч. С. 134.

²² ПСЗ-II. Т. 3. СПб., 1830. № 2502. С. 1097.

²³ Рождественский С.В. Указ. соч. С. 194, 201–202, 208–209. Преобразование гимназий в соответствии с уставом 1828 г. растянулось до 1838 г. На окраинах действовали особые нормы, учитывавшие местную специфику (Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 115).

²⁴ ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. С. 1104. См. также: Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 112–113, 117.

²⁵ Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 114–115; Шмид Г.К. Указ. соч. С. 261.

²⁶ Урок в гимназии длился полтора часа.

валась на девятом месте после таких предметов, как Закон Божий, русская словесность, древние и новые иностранные языки, математика, география и статистика²⁷. История России от «обозрения истории славян» до «царствования императора Николая I» преподавалась в шестом или седьмом классе²⁸. Ученикам, не собиравшимся поступать в университет, в последний год обучения давали дополнительные уроки истории и статистики Российского государства. Таким образом, даже люди, поступавшие на службу без высшего образования, получали углублённые знания в этой сфере. По мнению Виноградова, устав 1828 г. положил конец поверхностному преподаванию, отделив программу средней школы от университетской, а общеобразовательные дисциплины от специальных²⁹.

При назначении сначала товарищем министра в 1832 г., а затем и главой учебного ведомства в 1833 г. Уваров решил опереться в своей политике на «истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества»³⁰. 19 ноября 1833 г. во всеподданнейшем докладе «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения» он провозгласил своим «лозунгом» выражение: «Народное воспитание должно совершаться в соединённом духе православия, самодержавия и народности»³¹. Отметив, что «посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, не взирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе тёплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим», управляющий министерством видел в них «весь залог будущего её жребия». По его мнению, правительству следовало «собрать их в одно целое» и «согласить их с настоящим расположением умов»³². Как писал Уваров, «изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладий), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить, — имеем мы три главных: 1) православная вера; 2) самодержавие; 3) народность. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них веру то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении... Самодержавие представляет главное условие политического существования России в настоящем её виде... Русский колосс упирается на самодержавии как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный... Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании. Правительство не нуждается, конечно, в похвальных себе словах, но может ли оно не пещись о том, чтобы спасительное убеждение, что Россия живёт и охраняется спасительным духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просве-

²⁷ Студеникин М. Т. Становление и развитие... С. 113—114.

²⁸ Соловьёв Д. Н. Указ. соч. С. 165—166.

²⁹ Виноградов П. А. Указ. соч. С. 3.

³⁰ Уваров С. С. Отчёт по обозрению Московского университета. 4 декабря 1832 г. // Уваров С. С. Избранные труды. С. 326.

³¹ Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / Публ. М. М. Шевченко // Река времён (книга истории и культуры) Кн. 1. М., 1995. С. 70.

³² Там же. С. 71.

щённого, обращалось в неоспоримый факт, долженствующий одушевлять всех и каждого, во дни спокойствия, как и в минуты бури?». Одновременно «наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство народности, их связующее». Народность и самодержавие «проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице истории русского народа». Уваров полагал, что «относительно народности всё затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна»³³.

Пять лет спустя на страницах официального ведомственного издания «начала нашего народного просвещения» предлагалось искать «в опыте веков и особенно в бытописаниях нашего отечества». В них обнаруживалось, что «дух русский, здравый, высокий в простоте своей, смиренный в доблести, непоколебимый в покорности закону, обожатель царей, готовый всё положить за любезное отечество, искони возвышал нравственные силы его; самодержавие соединило расторгенные члены государства, уврачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его целость в такой огромной массе, которой не было в истории мира ничего подобного; наконец, вера, торжествующая над всеми земными бедствиями, помогла ему устоять среди всех бурь и волнений; сохранила бытие России при напоре и полудиких орд языческого Востока и полупросвещённых полчищ мятежного Запада; и она же, основанная в нашем отечестве на незыблемом камени православия, служит ему вернейшею защитой от того развращения умов, которое гибельнее всех физических зол и иноплеменных нашествий». На этих «началах», считали в министерстве, «почивает и настоящее благоденствие наше, и крепкая надежда будущего». И после того, как они были указаны министром, «все действия учебных мест и лиц приняли повсюду единое направление, и все разнообразные части учебного ведомства, сомкнувшись в стройную систему, двинулись далее к усовершенствованию своему в соединённом духе православия, самодержавия и народности»³⁴.

Со временем «успехи просвещения» должны были вытеснить «слепое пристрастие к чужеземному», осмеянное ещё Д.И. Фонвизиним. И наиболее значимыми вехами на этом пути признавались «благотворные уставы» Екатерины II «и даже собственные её истинно-народные сочинения», учреждение Российской академии, творчество Г.Р. Державина и И.А. Крылова, показавших «очаровательные образцы нашей самородной поэзии», и труд Карамзина, написавшего «под сению Александра... историю, достойную русского народа». Всё это совершалось для того, «чтобы умы, привыкшие жить иноземщиною, обратить к разработке наших собственных сокровищ; чтобы занять нас мыслию восстановления в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой монархии и всеобщих успехов образованности»³⁵.

³³ Там же. С. 70–71.

³⁴ Обзорение истекшего пятилетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXI. 1839. Отд. I. С. 7–8.

³⁵ Там же. С. 3–4.

В 1849 г., подводя итоги своего управления, гр. Уваров напоминал, что в 1833 г. император поручил ему «ввести в преподавание публичных заведений дух русский, под тройственным влиянием православия, самодержавия и народности, возбуждая в молодых людях уважение к отечественной истории, к отечественному языку, к отечественным учреждениям», и в результате через 16 лет «преподавание повсюду приноровлено к отечественному началу», а «изучение русского языка и русской истории, уважение к русскому началу противопоставляется влиянию иностранного духа». В целом же «новое поколение лучше знает русское и по-русски, чем поколение наше», чему весьма способствовали такие меры, как «огромное издание Археографической комиссии и полного русского словаря» и т.п.³⁶

Действительно, в 1830–1840-е гг. система исторического образования видоизменялась в соответствии с уваровской концепцией. Вместе с тем оно постепенно начинало распространяться на окраины, в частности, на западные губернии и Остзейский край. В начале 1830-х гг. Российская империя столкнулась с польским восстанием, в котором активно участвовали учащаяся молодёжь и католическое духовенство, игравшее видную роль в польской образовательной системе³⁷. В Западном крае изучение истории России казалось особенно важным, поскольку оно формировало представление о том, что в прошлом эти территории являлись частью Древнерусского государства. Не случайно участвовавший в подавлении восстания гр. Н.А. Протасов, инспектируя в 1835 г. заведения Белорусского учебного округа, обратил внимание на опасность положения, при котором русская история преподавалась в уездных училищах лишь с четвёртого класса, тогда как большинство учеников посещали их только до третьего. Вследствие этого указания предмет стали проходить с третьего класса, причём не менее двух часов в неделю³⁸. В гимназиях, по наблюдениям Протасова, три четверти учащихся не доходили до последнего года обучения, поэтому для «споспешествования политической цели воспитания» и «уничтожения» укрепившихся «предрассудков в отношении к России» рекомендовалось знакомить детей с русской историей в третьем классе сокращённо (но не менее двух уроков в неделю), а в седьмом вести уже «пространное преподавание»³⁹.

Более того, вскоре схожую проблему обнаружили и в Центральной России. В 1843 г. педагогический совет 3-й Московской гимназии констатировал, что «едва ли пятая часть» гимназистов заканчивала полный курс, а остальные покидали учебные заведения со знаниями о Древнем Риме и Греции, но не о России. Директор П.Н. Погорельский предлагал в третьем классе сосредоточиться на послепетровском периоде, тесно связанном с современным «общежитием». Однако коллеги с ним не согласились, отметив, что «государственная жизнь» империи в XVIII–XIX вв. «не может быть предложена ясно и удовлетворительно» без освещения значительного влияния на неё европейских стран, тогда как

³⁶ Уваров С.С. Обзорение управления Министерством народного просвещения // Шевченко М.М. Конец одного Величия... С. 248, 251–252.

³⁷ Шевченко М.М. «Возложить надежды на поколение новое». Как Николай I и министр Уваров давали Польше шанс // Родина. 2013. № 3. С. 33; Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле... С. 11.

³⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 93.

³⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1875. Стб. 1022.

до того Россия «жила ещё собственной, отдельною жизнью», рассказ о которой более удобен для знакомства «с духом, бытом» и «умственной и гражданской жизнью русского народа», и к тому же лучше соответствует «возрасту и умственному развитию учеников 3-го класса». В итоге в третьем классе сочли целесообразным ограничиться изложением событий, происходивших до 1613 г., и краткими сведениями из учебника Н.Г. Устрялова о последующем развитии страны, которые дополнялись бы уже в седьмом классе⁴⁰. Большое внимание при этом уделялось биографиям таких деятелей, как патриарх Никон, Ф.Я. Лефорт, кн. А.Д. Меншиков, гр. П.А. Румянцев-Задунайский, князя Г.А. Потёмкин-Таврический, А.С. Суворов-Италийский и М.И. Кутузов-Смоленский.

В 1836 г. правительство разрешило открывать при гимназиях и уездных училищах реальные курсы, в программе которых преобладали предметы, связанные с естественными науками, местной промышленностью и торговлей. Теперь на протяжении первых трёх лет преподавание русской истории было общим, а затем зависело от отделения: на классическом её проходили в седьмом классе, а на реальном — в шестом классе (3 и 2 урока в неделю соответственно). Реалистам надлежало также усвоить «краткий обзор истории промышленности и торговли по запискам, заимствованным преподавателем преимущественно из сочинений [А.-Г.-Л.] Герена, [Ф.Г.] Унгевиттера и [Э.К.] Гофмана»⁴¹.

В 1848 г. помимо этого в четырёх старших классах ввели «бифуркацию» (раздвоение) гимназий на латинское и юридическое отделения: первое давало основательное знание древних языков и истории, готовя к занятиям в университете, а второе предназначалось для тех, кто собирался сразу поступать на гражданскую службу, их усиленно учили математике и знакомили с русскими законами, надеясь, по словам Р. Уортмана, научить юношество «ставить национальное законодательство выше всеобщих концепций права, подрывающих власть»⁴². В соответствии с учебным планом 1849 г. гимназическое образование стало делиться на общее, продолжавшееся три года, и специальное. Классические языки остались лишь в гимназиях университетских городов, обеспечивавших студентами историко-филологические факультеты. Уроки истории начинались теперь с четвёртого класса (каждый из них длился уже час с четвертью). Всего их полагалось 13 (пять в четвёртом, по два в пятом и шестом и четыре в седьмом классе), а на реальном отделении — 8 (пять в четвёртом, два в пятом и один в шестом классе). В то же время непосильный для гимназистов курс законоведения, разработанный профессором К.А. Неволиным, длился с пятого по седьмой класс, по четыре урока в неделю (в 1850-е гг. его стали постепенно сокращать или вообще отменять)⁴³.

В 1850 г. учебное ведомство возглавил кн. П.А. Ширинский-Шихматов, ещё при Шишкове руководивший его канцелярией, а с 1842 г. занимавший пост товарища министра. Начавшаяся тогда переоценка деятельности министерства объяснялась «охранительной тревогой 1848–1849 гг.», оживившей «давние предубеждения» и опасения, связанные с политикой в сфере образования и печати⁴⁴. Революции конца 1840-х гг. дискредитировали европейские

⁴⁰ Виноградов П.А. Указ. соч. С. 48–50.

⁴¹ Там же. С. 184–185; Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 118–119.

⁴² Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 108.

⁴³ Виноградов П.А. Указ. соч. С. 185. Студеникин М.Т. Становление и развитие... С. 121, 123.

⁴⁴ Шевченко М.М. Конец одного Величия... С. 142.

образцы, не исключая философию и классическое образование, и лишь укрепили стремление прочнее привязать среднюю школу к практическим нуждам России (прежде всего — к подготовке чиновников и технических специалистов разного профиля). В 1852 г. гимназии разделили на три типа: в первом преподавали преимущественно естествознание и законоведение, во втором — только законоведение, в третьем — классические языки. По новым учебным планам историю опять учили с третьего класса (в классических гимназиях на неё отводилось 12 уроков в неделю, в остальных — 13)⁴⁵. Так, в Санкт-Петербургской 1-й гимназии в третьем классе изучали «общий очерк истории русской с хронологическим указанием главных событий» и «древнюю историю африканских и азиатских народов», в четвёртом — «греческую и римскую историю до падения Западной Римской империи», в пятом — «среднюю историю до открытия Америки», в шестом — «новую историю до кончины императора Александра» и «русскую историю до Петра Великого», в седьмом — «русскую историю с Петра Великого до настоящего времени» и повторяли пройденное за первые три года⁴⁶.

Любопытно, что в последние годы царствования Николай I иногда лично влиял на содержание учебных программ и книг. С.М. Соловьёв в 1851 г. предложил считать датой основания русского государства не 862, а 852 г., против чего возражали Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин и другие историки⁴⁷. Кн. Ширинский-Шихматов обратился к императору, оставившему резолюцию: «Того мнения и я, ибо так учён был в свою молодость и слишком стар, чтобы верить другому». 21 августа 1852 г. о ней было объявлено в специальном постановлении по Министерству народного просвещения «О следовании летоисчислению Нестора при преподавании в учебных заведениях русской истории»⁴⁸. Оно, как писал Алешинцев, завершило учёный спор «по крайней мере на уровне средней школы»⁴⁹.

Вместе с тем влияние концепции Уварова отражалось не столько на структуре исторического образования, сколько на его содержании и в учебной литературе. Об устремлениях министра позволяет судить составленный 18 мая 1833 г. перечень «статей, на которые господа попечители и помощники попечителей должны обращать особое внимание при обозрении учебных округов». Среди них — «постепенность и полнота» преподавания, навыки учителей, «способ и направление» их занятий, наличие необходимых пособий, а также «наблюдение, обучается ли юношество с надлежащим тщанием российскому языку и отечественной словесности? Внушается ли ему при всяком удобном случае преданность к престолу и повиновение к властям? Укрепляется ли в сердцах питомцев любовь к родине и ко всему отечественному?»⁵⁰.

В январе 1836 г. Уваров разослал попечителям циркуляр с объявлением о конкурсе на написание «руководства по русской истории» и его «програм-

⁴⁵ Алешинцев И.А. Указ. соч. С. 182–183.

⁴⁶ Соловьёв Д.Н. Указ. соч. С. 273, 275.

⁴⁷ Wortman R. National narratives in the representation of Nineteenth-Century Russian monarchy // Russian monarchy. Representation and Rule: collected articles. Boston, 2013. P. 156. См. также: Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 665–666.

⁴⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2. Т. 2. Отд. 2. СПб., 1876. Стб. 1386.

⁴⁹ Алешинцев И.А. Указ. соч. С. 189.

⁵⁰ ОПИ ГИМ, ф. 404, д. 17, л. 56.

мой». В ней предусматривалось два «главных начала»: «прагматическое изложение событий» и «идея православия, самодержавия и народности». При этом требовалось, чтобы её отражение «не ограничивалось одними пышными фразами или риторическими фигурами, кои вообще должны быть тщательно избегаемы: надобно доказывать самыми фактами»⁵¹. В том же 1836 г. в письме к императору по поводу данного конкурса Уваров не скрывал суть составленной по его распоряжению программы, сводившейся к тому, что «принципы единства политического (самодержавие) и единства религиозного (православие) спасли Россию. Анархия революционная и религиозная погубила Польшу»⁵².

Незадолго до этого Уваров конкретизировал свои пожелания при подготовке в 1835 г. «Отзыва на программу всеобщей и русской истории для военно-учебных заведений, составленную профессором [Санкт-Петербургского университета И.П.] Шульгиным»⁵³. Этот курс министр оценил положительно, хотя и признал его недостаточно ориентированным на потребности будущих офицеров. Вместе с тем Уваров считал, что одной декларации о «преимуществах единодержавия» недостаточно, поскольку в европейской истории есть «предметы щекотливые», и их освещение «должно быть применено к нашей народности». Так, «осторожно» следовало говорить про «перевороты, которые ниспровергли систему средних веков», о «Крестовых походах», «папской власти» и «особенно о Реформации». Вместо «простого порицания» различных «республик древнего мира» за отсутствие у них «наследственного единодержавия», которое не убедит учащихся, поскольку и без него Рим пришёл к «владычеству вселенной», рекомендовалось представить эту «минувшую форму» как «отжившую для народов христианских»⁵⁴. Не менее важно было соединить «“национальный” взгляд с историзмом» при рассмотрении всего, что имело отношение к России⁵⁵. «Главное условие — писать для русских», — напоминал Уваров, не сомневавшийся в том, что учебник не принесёт пользы, «если не будут освещены ярко те предметы, которые тесно сливаются с нашей национальностью». К числу этих сюжетов министр относил такие, как «нераздельность Руси даже во времена удельные, заслуга нашего духовенства; нравственная сила русского народа, его религиозность, отношение России к Польше, система Петра I». По его мнению, «историк туземный» их не поймёт или представит в «превратном виде», и только «историк русский даст им глубокий смысл». В предисловии к учебнику необходимо было раскрыть «свойства и цели исторического знания», очертить «понятия о хронологии», а также «сказать несколько слов о значении отечественной истории, об источниках и отличительном характере оной»⁵⁶.

Характерно, что, указывая на «нераздельность Руси», Уваров никогда не забывал о Польше. В середине 1840-х гг., ссылаясь на результаты ревизии гр. Протасова, министр выражал намерение «издать особое руководство для единообразного преподавания истории в училищах западных губерний», присоединив к нему «подробный, отдельный очерк истории Литвы и Волыни,

⁵¹ РГИА, ф. 733, оп. 1, д. 172, л. 42–44 об. Документ обнаружен благодаря А.А. Комзоловой.

⁵² ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 98, л. 37.

⁵³ Там же, д. 41, л. 47–51.

⁵⁴ Там же, л. 48 об.—49 об.

⁵⁵ Володина Т.А. Уваровская триада и учебники... С. 118.

⁵⁶ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 41, л. 50–51 об.

в котором было бы уяснено, что край этот составлял издревле коренное достояние России»⁵⁷.

Учебник, который более всего соответствовал ожиданиям Уварова и в доступной форме соединял идеи министра с достижениями науки того времени, был написан Устряловым. В январе 1837 г. министерство фактически отказалось подводить итоги конкурса, аргументируя это тем, что остальные участники не успеют закончить свои работы в назначенный срок. Тогда же Уваров разослал циркуляр, извещавший о том, что сочинение Устрялова «более прочих, доселе изданных, соответствует своей цели», и его рекомендуется употреблять в гимназиях вплоть до особого распоряжения⁵⁸.

Т.А. Володина допускает, что министр, объявляя конкурс, уже знал, кто станет его победителем⁵⁹. Во всяком случае, именно Устрялову было поручено составить для него программу⁶⁰. К 1837 г. Николай Герасимович, которому было немногим более 30 лет, уже получил по представлению Уварова «поощрительную Демидовскую премию» Академии наук за «Сказания современников о Дмитриии Самозванце» (1831–1832), «по бриллиантовому перстню от императрицы и императора» и орден Св. Анны 3-й ст. — за издание в 1833 г. «Сказаний князя Курбского». Министр покровительствовал историку, облегчая ему отношения с цензурой и доступ в архивы⁶¹. С 1834 г. Устрялов занимал кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете, сначала как экстраординарный, а после защиты в 1836 г. докторской диссертации⁶² уже и как ординарный профессор. В 1837 г. он стал также адъюнктом Академии наук.

Сам учёный утверждал, что особенность его лекций заключалась «в новом взгляде на русскую историю». В частности, он «первый обратил особенное внимание на судьбу Западной Руси, или Литовское княжество», чем был «очень доволен» Уваров. Однажды Сергей Семёнович даже привёз на университетский экзамен членов Государственного совета кн. И.В. Васильчикова и гр. В.В. Левашова, которые отнеслись к историку с «большим вниманием». Со своей стороны, Устрялов сосредоточился на разработке «обширного руководства» по истории России с «родословными таблицами и историческими картами, которых у нас почти не было», имелись же только «неверные, особенно относительно Литовского княжества». Профессор сетовал на то, что «у нас привыкли считать его коренною Польшей», и «сам Карамзин имел о нём очень смутное понятие». В 1835 г. Уваров пригласил Устрялова прочесть свой труд ему и гр. Протасову. Слушатели «делали замечания» и «были в восторге», особенно граф, которому прежде «дело представлялось как-то смутно», а после чтения «всё стало ясно»⁶³. В 1839 г. вышло первое издание устряловского «Начертания русской истории, для средних учебных заведений», в 1840 г. — его же «Руководство» для уездных училищ, причём эти книги

⁵⁷ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. С. 424.

⁵⁸ РГИА, ф. 733, оп. 1, д. 172, л. 90–91 об.

⁵⁹ Володина Т.А. Уваровская триада и учебники... С. 121.

⁶⁰ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни. С. 625–626.

⁶¹ Там же. С. 619–622.

⁶² Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

⁶³ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни. С. 623.

были одобрены не только Министерством народного просвещения, но и Святейшим Синодом, использовавшим их в духовных училищах⁶⁴.

Устрялов исходил из того, что, «объясняя постепенное развитие государственного устройства», история проливает свет «на гражданскую жизнь, на свойства народа, на положение государства среди соседей, вообще на современное состояние России, о коем правильно можно судить только по сравнению настоящего с прошедшим». При этом «русские справедливо могут сказать», что их предки в бедствиях «спасали себя не случаем, не чужеземною помощью, а собственными силами, верою в Провидение, усердием к престолу, любовью к отечеству». «Самодержавие» выступало в учебнике не просто как хранительная сила, но и как постоянная отличительная черта русского народа, в котором «мысль о необходимости единодержавия никогда не исчезала» — ни во времена раздробленности княжеств, ни в Смутное время⁶⁵. Даже в удельный период Устрялов усматривал на Руси своеобразную «конфедерацию самодержцев»⁶⁶, в рамках которой князья «отнимали княжества друг у друга, но иноземцев не пускали в русскую землю, держась правила: не тронь нашего»⁶⁷. Впрочем, историк различал самодержавие и единодержавие, мысль о котором обнаруживал и в действиях Владимира Мономаха, и в политике Андрея Боголюбского⁶⁸.

В учебнике отечественная история делилась только на древнюю (862–1689) и новую — от Петра I до современности. В удельной системе, сложившейся в результате раздела территории между потомками св. Владимира, автор пособия не находил характерных для Запада следов вассалитета, всевластия земельной аристократии, обособленности самостоятельности городов и политической власти духовенства. Феодализм рассматривался им как европейское зло, которое не затронуло Русь, но получило распространение в Польше, где «тесная связь с Германиею познакомила высшие сословия с феодальными понятиями», после чего «польские магнаты, присвоив обширные поместья, искали тех же прав, коими пользовались германские бароны», хотели независимости от князей и «самовольно располагали Краковским престолом, предлагая оный тому из Пястов, кто обещал не касаться их вольностей»⁶⁹. Причём если Погодин вслед за французскими историками выводил появление феодальных отношений из «завоевания» римских провинций германцами, противопоставляя его мирному «призванию» первых князей новгородцами, то Устрялов не видел тут принципиальной разницы. По его мнению, первые князья навязывали свою власть насилием, но оно не привело на Руси к разъединению победителей и побеждённых: «Основанная мечом завоевателей, она утвердилась христианством; различие между славянами и поселившимися среди них норманнами вскоре исчезло; оба племени слились в один народ русский и образовали могущественное государство». Именно «православие» познакомило Русь с «понятием о необходимости верховной власти», «о добродетели» и «законе». Вместе с тем «распространение христианских истин» способствовало «образованию русского

⁶⁴ Там же. С. 625–626.

⁶⁵ Там же. С. IV–V.

⁶⁶ Володина Т.А. Уваровская триада и учебники... С. 124.

⁶⁷ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории... С. 23–24.

⁶⁸ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории... С. 24. Подробнее см.: Володина Т.А. Уваровская триада и учебники... С. 124.

⁶⁹ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории... С. 36.

слова», и вера стала необходимым условием народной жизни, «подобно власти самодержавной»⁷⁰. И в дальнейшем в учебнике не раз отмечалось культурное и духовное влияние Церкви на народность и самодержавие.

В то же время, согласно концепции Устрялова, изначально «крепкие узы соединяли все части Русской земли в одно целое. Эти узы были язык, вера, господство одного дома, стремление князей к единодержавию, гражданское и церковное устройство». Поэтому границы Руси, установленные при Ярославе Мудром, воспринимались как очертания её «исконных земель». Казалось, что даже если затем они оказывались завоёванными иноплеменниками, «чуждое господство не могло истребить в них ни православной веры, ни русского языка». И впоследствии «главным явлением истории русского царства» становилась борьба за возвращение утраченных территорий, и «из этого источника проистекали все споры российских государей с соседями». Решить же задачу восстановления древних пределов государства удалось лишь Петру I и его преемникам. Пётр совершил «исполинский», «беспримерный в истории подвиг» преобразования всех сфер народной жизни, и с этого момента «началась история Российской империи»: «Россия получила новый вид, древний русский мир исчез с большею частью его уставов, законов, форм, нравов, обычаев; впрочем, главные непеременимые условия русской жизни, религия и самодержавие, остались неприкосновенными»⁷¹. Таким образом, развивая идеи Уварова и наполняя их историческим содержанием, Устрялов отчасти снимал противоречие между «древним» и «новым» периодами.

В этом же духе освещались взаимоотношения России с Польшей. В русской историографии первой половины XIX в. Великое княжество Литовское воспринималось как агрессивный соперник Москвы. Устрялов впервые показал его как один из центров объединения Руси, соперничество между которыми рано или поздно должно было привести к их слиянию в одно целое⁷². По его словам, в результате монгольского нашествия «совершился великий переворот, имевший решительное влияние на судьбу русского народа»: княжества к востоку от Днепра признали власть потомков Ивана Калиты, а к западу (за исключением Галиции) — перешли к наследникам Гедимины⁷³. Однако политически разделённую Западную и Восточную Русь прочно объединяли вера, язык и правовые нормы. Резкое возвышение «малочисленного народа литовского» историк связывал с династическими браками и крещением некоторых князей «по греческому закону» при сохранении внутреннего устройства западнорусских земель. «Свято сохраняя закон прародительский», население Великого княжества Литовского хотело вернуться «в подданство царя православного», но этому помешало «случайное обстоятельство» — брак внука Гедимины с наследницей польского престола и последующее избрание его королём Польши⁷⁴. В дальнейшем, опасаясь объединения Руси, поляки постепенно насаждали

⁷⁰ Там же. С. 8–9; Подробнее см.: *Володина Т.А.* Уваровская триада и учебники... С. 123–124.

⁷¹ *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории... С.VII–VIII, 11, 22.

⁷² Этому историк посвятил специальную работу: *Устрялов Н.Г.* О Литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839. Подробнее см.: *Мегем М.Е.* «Русская Литва» в концепции Н.Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 12. С. 14–20.

⁷³ *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории... С. V–VI.

⁷⁴ Там же. С. 50–52.

в Литве свои порядки, веру, язык, истребляя там всё русское⁷⁵. И хотя «Литовское княжество неоднократно разрывало союз, ...поляки постоянно держались правила возводить на свой престол потомков Гедиминовых»⁷⁶. Когда же династия Гедиминовичей (Ягеллонов) пресеклась, некому стало «охранять священный залог народности», и «Западная Русь испытала все бедствия» польского «безначалия», включая «величайшее зло народное, гонение за веру». И только Екатерина II «соединила под свою державу почти всю русскую землю»⁷⁷, а её внуку после борьбы с Наполеоном досталась и Польша. Польские историки, как утверждал Устрялов, «смешали Литву с Польшей», а русское общество, поверив им, смотрело на Западный край России как на чужой и враждебный⁷⁸. При этом нужно отметить, что никакой личной неприязни к полякам Устрялов не питал. На экзаменах к польским студентам он относился великодушно. Во всяком случае, когда один из них отказался рассказывать про «присоединение Польши», профессор разрешил ему взять другой билет и, выслушав, поставил за отличный ответ высший балл⁷⁹.

Концепция Устрялова, видевшего в Великом княжестве Литовском чисто русское государство⁸⁰, не сразу нашла поддержку в научном сообществе, но уже во второй половине XIX в. стала доминирующей⁸¹. Уваров же с самого начала высоко оценил появление учебника Устрялова, назвав это пособие в своём отчёте за 10 лет «весьма значительным орудием министерства при образовании училищ в западных губерниях». По словам министра, эта книга «содействовала к сближению умов и к распространению в юношестве основательных сведений о России и о её истории, раскрывая на непреложном ряду фактов, что Западная Русь, в особенности Литва, составляла интересную часть Российского государства». Но не менее важен он был и для центральных губерний, где раньше «преподавание сего важного предмета было столь же сухо и неудовлетворительно, сколько и взгляд на предмет был односторонний и запоздалый». Иными словами, «повсюду требовался учебник», который бы «приманивал к науке внимание юношей» и вместе с тем «приводил их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории»⁸².

Как полагают исследователи, пособие Устрялова в долгосрочной перспективе вполне оправдало возлагавшиеся на него надежды и оказывало воздействие на мировоззрение нескольких поколений выпускников гимназий⁸³. Как пишет А.И. Миллер, в тот момент, когда выяснилось, что канон, основанный на наследии Карамзина, из-за «сосредоточенности на государстве и династии оказывается совершенно бесполезен в споре с поляками», Устрялов «создал версию русского исторического нарратива, в ряде ключевых элементов оставшуюся неизменной вплоть до краха империи». В 1830-е г. он сформулировал ответы на «польские вызовы, которые останутся доминирующими в те-

⁷⁵ Там же. С. VII–VIII.

⁷⁶ Устрялов Н.Г. О системе прагматической... С. 72.

⁷⁷ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории... С. VIII–IX; Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве... С. 19–20.

⁷⁸ Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве... С. 35–38.

⁷⁹ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни. С. 683–684.

⁸⁰ Устрялов Н.Г. О системе прагматической... С. 72.

⁸¹ Мегем М.Е. «Русская Литва»... С. 18–19.

⁸² Уваров С.С. Десятилетие Министерства... С. 413–414.

⁸³ См.: Володина Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории... С. 126; Мегем М.Е. «Русская Литва»... С. 18–19, 34; Тесля А.А. «Истинно русские люди»... С. 112.

чение всего XIX в.». И в этом его усилия соответствовали «магистральному направлению развития европейской историографии», активно формировавшей тогда национальное самосознание⁸⁴.

Однако не следует забывать, что и появление учебника Н.Г. Устрялова, отличавшегося от предшествующих продуманной концепцией и методическим обеспечением (наличие карты, хронологической и родословной таблиц), и его воздействие на учащихся стали возможны лишь благодаря системной политике С.С. Уварова, направленной на определение принципов и выстраивание институтов народного просвещения в России, и той идеологической и просветительской роли, которая отводилась преподаванию истории в николаевское царствование.

⁸⁴ *Миллер А.И.* О русском национализме. Лекции, статьи, диалоги. [Б.м.], 2013. С. 307, 263, 469.